

significance of the work consists in a detailed analysis of the information which the toponymic definitions contain in a general explanatory dictionary of the English language with a possibility of its further application in practical lexicography.

Key words: toponymic definition, selection criteria, theoretical lexicography, place name.

Статью отримано 29.09.2016 р.

УДК [811.161.1+811.512.1]:373.45/.74:82-84

СТЕПАНОВ Евгений Николаевич,

доктор филологических наук, зав. кафедрой русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина;
тел.: +38 048 7762277; +38 096 4966406; e-mail: e.stepanov@onu.edu.ua;
ORCID ID: 0000-0002-5441-9822; SPIN-код 8665-0882

РУССКИЕ ПАРЕМИИ С ТЮРКИЗМАМИ БЫТОВОГО ДИСКУРСА: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. *Цель* данной статьи — установить причины использования тюркизмов и степень их освоенности в русских народных пословицах и поговорках. *Предметом* изучения являются лингвистические и экстралингвистические механизмы освоения и функционирования тюркизмов в русском паремиконе. Основной *метод* исследования — историко-описательный. Используются также элементы социолингвистического метода, лингвокультурологический, фразеологический, семантический, этимологический анализ изучаемого материала. В *результате* анализа более 100 пословиц и поговорок бытового дискурса, содержащих тюркизмы, установлено, что русские паремии создаются на основе определённых прецедентных сценариев. Обычно в паремиях используют исконную лексику. Тюркизмы же называют, как правило, ключевые детали высказываний. В работе сделан *вывод* о том, что наличие тюркизмов в русских паремиях свидетельствует о завершении процесса аккультурации этих заимствований в русском коммуникативном пространстве. Данный процесс сопровождается их грамматическим и семантическим освоением в обыденной речи, что определяется устойчивой дистрибуцией этих слов наравне с исконными словами тематических и лексико-семантических групп бытового дискурса. Паремия с тюркизмом обычно входит в синонимический ряд, образуя систему бытовых сценариев, которые сводятся к ситуации, отражающей определённый фрагмент природы человеческих отношений. *Практическая ценность* работы заключается в использовании её результатов для совершенствования концепции славянско-тюркского языкового и культурного взаимодействия.

Ключевые слова: пословицы и поговорки, русский паремикон, тюркизм, бытовой дискурс, аккультурация, дистрибуция, грамматическое и семантическое освоение слова.

Постановка проблемы. Одной из наиболее исследуемых в современных науках об обществе является проблема мультикультурности. Экономические и политические процессы нашего времени, научные достижения, сближающие народы с разными представлениями о традиционных ценностях и привычками, с разной историей и культурой, говорящие на разных языках, на повестку дня выдвигают задачи по изучению глобализационных процессов. Однако данные процессы не являются чем-то новым в диалектическом развитии общества. Подобные процессы уже происходили на разных этапах истории в разных регионах мира. И обычно это приводило к созданию тех или иных государственных образований с разным культурно-историческим и языковым составом населения. Таковыми были Вавилонское царство, Урарту, Китай, Индия, Византийская, Римская, Османская, Британская, Российская, Австро-Венгерская империи, Соединённые Штаты Америки, Третий Рейх, Европейский Союз и под. Глобализационным явлениям даются оценки разного рода: от весьма положительных до резко отрицательных. Обычно при этом учитывается степень естественности таких процессов, цели и средства достижения результатов субъектами, отсутствие или наличие с их стороны насильственных действий. Однако любое глобализационное явление сопровождается процессом аккультурации его участников. В настоящее время аккультурацией называют процесс «взаимодействия культур, в ходе которого происходит их изменение, усвоение ими новых элементов, образование в результате смешения различных культурных традиций принципиально нового культурного синтеза» [1]. Свидетельством процессов аккультурации в разные эпохи являются не только материальные артефакты, но и основное средство коммуникации народа — его язык, сохраняющий следы таких процессов. Дольше всего культурная память сохраняется в паремиях и фразеологизмах, поскольку эти единицы возникают в результате функционирования в речевом пространстве ярких и хорошо понятных коммуникантам сценариев, порождающих прецедентные имена, высказывания, тексты.

При знакомстве же с артефактами и традициями чужих культур такие сценарии неизбежны, а поэтому неизбежным является проникновение в поговорки и фразеологические единицы лексических заимствований, обозначающих инокультурные понятия.

Связь с предыдущими исследованиями. Заметный след процессов аккультурации славянских и тюркских народов, обусловленной разного рода взаимодействием между столетиями соседствовавших племён и народов, имеется как в славянских, так и тюркских языках и культурах. Этой проблеме посвящён не один десяток авторитетных монографических исследований культурологов и лингвистов, сотни статей, среди которых работы Н. А. Баскакова [3; 4], С. Б. Веселовского [6], Л. Н. Гумилёва [7], А. К. Каиржанова [12, с. 158–298; 13; 14], Г. Н. Каримуллиной [16], А. М. Эмировой [28] и многих других исследователей.

Составление сборников русских пословиц и поговорок берёт своё начало ещё в XVII веке. Наиболее полным их собранием в середине XIX в. стал трёхтомник В. И. Даля, изданный впервые в 1862 году [8]. Известными собирателями пословиц и поговорок в конце XIX—начале XX в. были П. Симони [24], И. И. Иллюстров [11], И. Е. Тимошенко [25] и др. В современном русском языкознании наиболее полным считается «Словарь русских пословиц и поговорок», составленный В. П. Жуковым [10]. Известны современные сборники, словари и энциклопедии русских пословиц, поговорок, крылатых выражений и других паремий Н. В. Уварова, В. Г. Мельникова, Н. Фоминой, В. Аникина, Е. Берсеневой и др. Имеются работы, посвящённые методическим вопросам изучения русских паремий как носителями русского языка, так и иностранцами.

Некоторые достижения у лингвистов имеются в области изучения теории паремий. Авторитетными в современной русской паремиологии признаются работы Г. Л. Пермякова, С. Д. Мастепанова, М. И. Шахновича [напр.: 20; 27]. Разным аспектам научного изучения паремий посвящён ряд работ А. В. Кунина, Е. И. Селиверстовой, В. М. Мокиенко, Т. А. Наймушиной, Ю. Г. Завалишиной, Ю. С. Коноваловой, М. В. Порхомовского, М. К. Рахимбековой, Ф. Х. Тарасовой, З. А. Биктагировой, А. Ю. Белецкой и многих других исследователей [напр.: 5; 18; 19; 22].

Постановка исследовательских задач. Несмотря на достаточно успешное развитие русской паремиологии, в центре внимания постоянно находятся вопросы происхождения, функционирования, семантической и структурной трансформации, межкультурного и межъязыкового соответствия русских пословиц и поговорок. Диахронических исследований межкультурных и межъязыковых заимствований в русском паремиологическом пространстве крайне мало. Следовательно, исследование данного вопроса актуально для современной русистики. Цель данной работы — попытаться установить с помощью лингвокультурологического, фразеологического, семантического, этимологического анализа выбранных нами из словарей функционирующих в русском бытовом дискурсе паремий, содержащих тюркизмы, причины такой гибридизации и степень освоенности иноязычных слов в данных единицах. Основной метод данного лингвистического исследования — описательно-исторический. Используются также элементы социолингвистического метода.

Таким образом, объектом изучения являются русские пословицы и поговорки, содержащие лексические тюркизмы; предметом изучения — лингвистические и экстралингвистические механизмы их освоения и функционирования в русской речи.

Изложение основного материала. В исследовании мы исходим из того, что *пословица* — это краткое, устойчивое в речевом обиходе, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа. Пословицы имеют форму законченных простых или сложных предложений (напр.: *Алмаз и в грязи виден. Где хозяин ходит, там земля хлеб родит*). Пословица выражает суждение, обладает буквальным и переносным смыслом (*Баба на базар три года серчала, а базар про то и не знал. Лиса в капкан дважды не попадает*) или только переносным (*Этот сарафан давно по ниткам разобран. Не до песен: кадык тесен. Немой караул закричал, безногий на пожар побежал*) и легко противопоставляется свободному предложению такого же лексического состава. Пословицам свойственна вариативность (напр.: *С казной не тянись, своим поступишь! / С казною судиться — своим поступишь*), они вступают в синонимические отношения (*Бояться саранча — хлеба не есть / Волков бояться — в лес не ходить*). *Поговорка* — краткое изречение, нередко назидательного характера, имеющее, в отличие от пословицы, только буквальный план и грамматически представляющее собой законченное предложение. Например: *Богатырь умрёт, имя его останется. Займы — та же кабала. Под ветром гнётся камыш, а не камень. Деньги счёт лобят. Лежачий товар не кормит*. Основной признак, отличающий паремии от идиом, — дидактичность пословицы и поговорки и необязательность этого признака у идиомы. Однако и паремии, и идиомы являются средствами повышения экспрессивности текста, выражающими оценку предмета речи, характеризующими ситуацию, указывающими на эмоциональное и/или прагматическое отношение к тому или иному факту, явлению, объекту, действию, процессу, состоянию, признаку.

Следует отметить, что паремии всех народов мира передают одни и те же типовые ситуации, имеют сходное логическое содержание, различаясь лишь образами (детальными реалиями), с помощью которых передаётся логическое содержание. Наше исследование показывает, что русские паремии при передаче той или иной ситуации обычно используют исконную лексику. Заимствования же называют, как правило, детали, без которых непонятно содержание высказываний.

Тюркские языки на землях славян известны давно. Ещё в дотатарский период в процессе аккультурации тюркских и славянских народов в русский язык проникали и осваивались тюркские слова. Первые письменные упоминания о поселении торков на Руси относятся к 1080 г., а в 1097 г. упоминается также о поселениях на Руси берендеев и печенегов. В лексике древнерусских текстов, в том числе в «Слове о полку Игореве», представлены тюркские элементы (*яруга* — 'овраг, ущелье'; *япончица* — уменьшительное от *японча* — 'дождевой плащ' (*епанча*); *кощей* — 'раб, пленник, слуга' и ряд других). В рукописях сохраняются данные как о мирных, так и о враждебных отношениях между русскими и тюркоязычными народами.

Хронологически выделяются тюркизмы, унаследованные из праславянского языка (*чекан, баран, товар, болван, хомут* и др.); заимствования домонгольского периода (*боярин, шатёр, богатырь, ватага, жемчуг, кумыс, лошак, орда, ковёр* и др.), среди которых особую группу составляют несколько булгаризмов, вошедших в древнерусский язык через старославянский: *бисер, ковчег, кумир, сан, чертог* и др.; древнерусские заимствования из тюркских языков периода Золотой Орды; заимствования XVI–XVII веков; заимствования XVIII–XX веков. В домонгольский период русичи развивали отношения с тюркоязычными половцами, булгарами, хазарами [12, с. 283–292], кыпчаками, печенегами. Так, «Повесть временных лет» под 859 годом сообщает, что хазары получали дань с ряда славянских племён: полян, северян, вятичей. Через тюркские языки проникали также некоторые арабские и персидские слова бытового дискурса, напр.: *арбуз, базар, бахча, изъян, лафа, сарай* и др. [21, с. 98]. Большинство тюркизмов употребляется в бытовом и торговом дискурсах русского языка. Лексемы тематических групп «одежда, обувь и украшения» (*армяк, бахрома, башлык, башмак, бешикет, бисер, каблуки, карман, клобук, папаха, парча, сарафан, тулуп, тюбетейка, чулок* и др.); «подворье» и «домашняя утварь» (*каланча, кирпич, лачуга, очаг, сундук, утюг, чемодан, чулан* и др.), «питание» (*алыча, баклажан, лапша, сазан, шашлык* и др.), «коневодство» (*аркан, буланый, каурый, лошадь, табун, чабан, чалый* и др.), «сельское хозяйство» (*амбар, саранча* и др.), «экономика и финансы» (*алтын, барыш, безмен, вьюк, деньга, казна, чугун, ярлык* и др.) проникали в русский язык в результате процессов культурного и языкового взаимодействия с носителями тюркских языков. Их наличие и активное использование в русском языке, в том числе в народных пословицах и поговорках, свидетельствует о долговременном тесном взаимодействии русичей и тюрков, их языков, обычаев, нравов, культур в эпоху Киевской Руси, монголо-татарского ига, Московской Руси. За последнее тысячелетие русский и тюркские языки и народы развивались в схожих социально-политических и хозяйственно-экономических условиях, входили в состав одних и тех же государственных образований (Золотая Орда, Казанское ханство, Российская империя, СССР, Российская Федерация).

Близость целого ряда традиций повседневной жизни, быта всегда воспринимается как высокая степень культурного взаимовлияния народов. В связи с наличием влияния в быту аккультурация достигает срединной, «ядерной», центральной зоны формирования жизненного уклада народов как области «устоявшегося, привычного и понятного, «своего»; это обжитое, окультуренное пространство — пространство жизни людей» [15, с. 66]. «Повседневность представляет собой важный и неотъемлемый план жизни каждого человека, включает сферу привычного, близкого, родного — всего, что «укореняет» человека в бытии» [15, с. 64]. Именно такие обстоятельства предопределяют интенсивное взаимовлияние русского и тюркских языков в разных сферах общественной жизни.

Паремии со словом АРШИН. *Аршин* заимствовано из турецкого языка в XVI веке, будучи там, в свою очередь, заимствованием из персидского. М. Фасмер указывает на первое упоминание об *аршине* в Домострое, указывая на наличие этого слова в большинстве тюркских языков [26]. В словаре В. И. Даля *аршин* толкуется как монголо-татарская погонная мера, равная четырём четвертям (пядям), по четыре вершка (верха пальца); трети сажени; длине всей руки от плеча; вольному шагу человека; 21/3 русского или английского фута; 0,7112 метра [9].

На свой аршин мерить — «судить о ком-либо или о чём-либо односторонне, со своей личной точки зрения». За основу взята ситуация обмана покупателей, при которой торговец умышленно укорачивал аршинную деревянную линейку или заменяющую её палочку, тесьму при продаже тканей и других товаров, измеряемых в длину.

Ходить, словно (будто, точно) аршин проглотил — «ходить, держа туловище неестественно ровно».

Аршин на кафтан, два на заплаты — о ситуации, при которой починка, ремонт, обслуживание изделия обходятся дороже, чем покупка нового.

Ты на безмен, а он с аршином — о глупом, бестолковом человеке. За основу взята ситуация, при которой товар, вместо его веса, учитывают по длине, объёму или другим способом. Например, до изобретения промышленных весов сыпучие товары в портах измеряли четвертями (большими бочками), которые, с целью обвеса (уменьшения реально проданного товара), торговцы стремились уменьшить в объёме, прибавляя или приклеивая к дну изнутри дополнительный слой досок.

Аршин на сукно, кувшин на вино — «всё имеет своё назначение». За основу взята торговая сфера, в которой каждый товар, в зависимости от свойств, измеряется тем или иным способом.

Аршин не сукно, кувшин не вино — «главное в жизни — не форма, а наполнение этой формы реальным содержанием». Эту пословицу можно толковать синонимичной ей пословицей *словами сыт не будешь*. В основе данных паремий лежат реальные ситуации, в которых ощущается нехватка или отсутствие жизненно важных для человека ценностей: одежды и питья (еды) — при наличии их внешних атрибутов.

На аршин борода, да ума на пядь — о немолодом мужчине, который по возрасту должен быть умным, опытным, мудрым, а на деле оказывается глупым, несмышлёным. *Старичок с кувшином, борода с аршином* — о низкорослом старике с непропорционально длинной бородой.

Паремий со словом КАМЫШ. В Словаре Фасмера появление в русском языке слова *камыш* связано с заимствованием из целого ряда тюркских языков: турецкого, кыпчакского, крымско-татарского, азербайджанского, татарского. *Камыш* издавна использовался русскими как утеплитель, строительный материал, материал для разжигания печи или костра. До XVIII века, когда это слово, заимствованное из тюркских языков, стало использоваться в русских текстах [26], для обозначения этого растения русские употребляли слова *очерет, осока, тростник*. Первое из них активно используется сегодня в украинском языке и некоторых русских диалектах, второе иногда употребляется в значении «камыш», третье ошибочно используется носителями русского языка как синоним тюркизма *камыш*, хотя это разные растения: тростник — семейства злаковых, а камыш — осоковых.

Где камыш, там и утки — пословица построена по продуктивной для русских паремий модели сложноподчинённого предложения и имеет целый ряд синонимов: *где двор, там и забор; где жизнь, там и поэзия; где закон, там и страх; где зёрна, там и голуби*. Эта паремия определяет ряд ситуаций, при которых возникшие стихийно или созданные человеком условия вызывают коррелирующие с этими условиями действия, привлекают тех, кто этими условиями хочет воспользоваться и под. Эта паремия нередко используется в современной речи представителями правоохранительных органов.

Под ветром гнётся камыш, а не камень — о людях с неустойчивой (*камыш*) и устойчивой (*камень*) жизненной, политической, профессиональной позицией, соответственно, не имеющих или имеющих свою точку зрения на проблему; о слабом, продажном (*камыш*) и сильном, неподкупном (*камень*) человеке; о человеке, который боится трудностей и любой ценой их избегает (*камыш*), и, соответственно, о том, кто не боится трудностей и достойно их переносит (*камень*). В основе лежит ситуация обыденной сферы: даже стоящий плотной стеной *камыш* гнётся от ветра, а камень непреклонен, даже если он стоит отдельно.

Озеро не бывает без камыша, а душа — без тоски. Во многих словарях эта пословица дана с пометой, указывающей на заимствование из башкирского языка. Таким образом, в русском паремиконе она является полной калькой, хотя русские воспринимают эту пословицу как исконную. Это свидетельствует об универсальном характере подмеченных в ней свойств природы и человека.

Камыш, накошенный за тысячу дней, сгорает в один. В словарях эта паремия характеризуется как японская. Следовательно, в русский паремикон она вошла в период активного использования литературным языком тюркизма *камыш*, после XVIII века, и употребляется в ситуациях, в которых быстрые, лёгкие и/или необдуманные процессы разрушения создают угрозу результатам длительных и трудных процессов созидания. Синонимами этой паремии могут служить паремии типа *Ломать — не строить; Чтобы сломать, много ума не надо; Разрушить дружбу легче, чем её завоевать; Заработать миллион трудней, чем его потратить; Заслужить доверие — годы, потерять — одно мгновение; Создать семью трудней, чем её разрушить*.

Паремий со словом КАФТАН. *Кафтан* — верхнее, долгополое мужское платье разного покроя с косым воротом, также *чапан, сермяга, суконник, армяк*. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера указано, что слово *кафтан* в русском языке впервые зафиксировано у Афанасия Никитина (XV век) в формах *кавтанъ, кофтанъ*. Слово *kaftan* в том же значении фиксируется в чешском и польском. Автор предполагает, что в русский язык это слово заимствовано из турецкого, азербайджанского или крымско-татарского. Однако в тюркские языки оно пришло из персидского, а через арабский язык распространилось в Западной Европе [26].

Те же кафтаны, да не те карманы. Эта пословица с двумя тюркизмами бытового дискурса передаёт идею о том, что в жизни важна каждая мелочь. Синонимами являются такие

паремии: *Не украл, а без спросу взял; Тот же блин, да на блюде; Не выстрижено, так выщипано; Не всё едино: что хлеб, что мякина; На одном вече, да не одни речи; Та же опара, да другой кисель; И дурак на дурака не приходится; И на дереве лист на лист не приходится; И одной матки детки, да не равны; Из одной клетки, да не равны детки; И из одной печи, да не одни калачи; Не всё топор, что рубит* и другие. Идея разнообразия природы, общества, артефактов реализуется в русском паремиконе на основе множества различных прецедентных сценариев. В основе анализируемой нами пословицы — способность портного разнообразить вид кафтанов при их одинаковом покрое за счёт изменения формы карманов.

И кафтан греет, когда шубы нет. Пословица отражает ситуацию, при которой человек ценит малое, то, что имеет, когда он ограничен в своих материальных и/или физических возможностях. Использована обыденная ситуация, часто возникающая в условиях российского климата: не каждый человек может купить шубу, которая в народном сознании стала стереотипом дорогой и самой тёплой одежды, поэтому в холодную погоду многие надевают одежду подешевле, которая тоже греет. Для создания паремий, оказавшихся синонимами анализируемой пословицы, в бытовом дискурсе используются разнообразные сценарии, например, сценарий плотницкого мастерства: *И клин тесать — мастерство казать*; сценарий бедных рыбных угодий: *На безрыбье и рак — рыба.*

Хоть кафтан и сер, а ум не чёрт съел. Рад Елифан, что нажил серый кафтан. Цвет кафтана мог указывать на социальный и материальный статус его владельца. Серое сукно было дешевле, практичнее при использовании, а грело так же, как и сукно другого цвета. Поэтому серые кафтаны носили небогатые люди. Признаком щегольства считались синий и жёлтый кафтаны, в связи с чем возникли пословицы *Пуст карман, да синь кафтан. Золотой кафтан охотнику, а золотой карман работнику.*

В драке богатый лицо бережёт, а убогий — кафтан. Пословица отражает обыденный сценарий заботы человека с хорошим достатком в опасной для жизни ситуации, в первую очередь, о своём здоровье и здоровье близких. Бедняк же в этой ситуации, как правило, заботится не о жизни и здоровье, а о спасении своих материальных ценностей, которые ему, в отличие от богача, тяжело достаются.

Пошёл в суд в кафтане, а вышел нагишом. В основе данной паремии — традиционная для Руси алчность адвокатов и судей.

В пашне огрехи, а на кафтане прорехи. Синонимы этой пословицы: *Как потопашешь, так и полопашешь; Посеяно с лукошко, так и выросло немножко*; а также известный лозунг строителей коммунизма: *Кто не работает — тот не ест.* Анализируемая паремия фиксирует основную причину бедности людей — их плохой, некачественный труд. В ней соединены главные потребительские сферы русских: питание и одежда.

Имеются и другие паремии со словом *кафтан*: *Худая слава, что без кафтана Сава; Видит и кривой, на ком кафтан чужой* и ряд других.

Паремии со словом УТЮГ. В этимологических словарях слово *утюг* квалифицируется как тюркизм [26; 17]. Н. А. Баскаков считает это слово заимствованным тюрками из китайского *ötük, ütük* [2]. Однако это мнение представляется нам ошибочным. Во многих тюркских языках (турецком, азербайджанском, крымско-татарском) присутствует глагольная основа *ütü-, ütüle-* — «гладить». Словообразовательный аффикс *-k-*, присоединённый к глагольной основе, придал ей значение существительного. Этот способ словопроизводства достаточно распространён в тюркских языках: *yat-* — «лежать», *yataq* — «кровать, ложе»; *qara-* — «закрывать», *qaraq* — «крышка»; *töse-* — «стелить», *tösek* — «постель» и под.

Портной гадит, а утюг гладит / Портной изгадит — утюг загладит / Портника подгадит, утюг разгладит / Где портной сгадит, там утюг сгладит. Варианты данной пословицы основаны на сценарии улучшения процесса изготовления и внешнего вида одежды под влиянием появившегося у русских от тюрков технического приспособления в виде утюга. Этот же сценарий задействован и в поговорке *Каждой мастерице нужен утюг.*

Паремии со словом ЯМЩИК. Слово *ямщик* (*ямщикъ*) впервые фиксируется в русском языке в XIV веке. Заимствовано из тюркских языков (сравните: в турецком *jamcı*, в чагатайском *jamcı* — «ямщик») и грамматически приспособлено к группе русских наименований по профессии и роду деятельности с помощью суффикса *-ик-*. *Ямчы* у тюрков выполнял роль почтальона [26; 17].

Он всё: и повар, и ямщик, и с баклажкой сбитенщик. Эта пословица означает многосторонние способности человека и стоит в одном тематическом ряду с паремиями *На все руки мастер; И швец, и жнец, и на дуде (в дуду) игрец.* Все эти паремии могут употребляться с ироничным значением, когда характеризуют ни на что не способного человека.

Не покупай у ямщика лошади, а у вдовы не бери дочери: у ямщика лошадь изломана, у вдовы дочь избалована. Данная паремия носит поучительный характер. Совет сводится к тому, чтобы человек хорошо подумал, когда делает ответственный шаг. Аналогичными современными

сценариями можно считать покупку автомобиля у таксиста и женитьбу на девушке, которая была освобождена от домашней работы у родителей.

Ямщик не огурщик — всякого возит. Огурщик — устаревшее слово, которое ещё в XIX веке использовали как синоним слова *лентяй*. Эта поговорка о трудолюбии человека, зарабатывающего на жизнь своим трудом.

О завершившемся ещё в средние века процессе освоения лексемы *ямщик* свидетельствует не только добавление к тюркской основе русского суффикса *-ик-*, а в дальнейшем морфемное перераспределение на корень *-ям-* и суффикс *-щик-* в связи с активным использованием в языке однокоренного слова *ям* — «почтовая станция». Основным показателем семантического освоения тюркизма *ямщик* является его лексическая дистрибуция. В пословицах и поговорках, которые являются народным творчеством, этот тюркизм стоит в одном ряду с исконными существительными *повар, сбитенщик, вдова, дочь*, а также с тюркизмом *лошадь*, дистрибуция которого тоже свидетельствует о полном освоении лексемы в русском языке.

Практически все тюркизмы бытового дискурса, входящие в русские народные паремии, в силу своей грамматической и лексической дистрибуции отражают процессы аккультурации понятий, обозначаемых тюркизмами, в пространстве русского бытового дискурса. Так, слово *камыш* сочетается в речи со словами *душа, камень, тоска, утка* и др.; слово *аршин* — со словами *мерить, сукно, заплата, борода* и многими другими.

Выводы. В результате проведённого исследования мы проанализировали более 100 русских народных пословиц и поговорок бытового дискурса, содержащих тюркизмы, и на примере нескольких групп паремий установили ряд лингвистических и экстралингвистических закономерностей освоения тюркизмов в русском языке на разных этапах взаимодействия славянских и тюркоязычных народов. Исследование показывает, что русские паремии, создающиеся на основе определённого прецедентного сценария, при передаче той или иной ситуации обычно используют исконную лексику. Тюркизмы называют, как правило, ключевые детали, без которых непонятно содержание высказываний. Их включение в паремии связано с разными факторами: заменой в общеупотребительной речи исконного слова заимствованным для наименования объекта, не претерпевшего изменений; входением в обыденную сферу жизни новых предметов домашнего обихода, материалов, видов одежды, обуви, украшений, новых стилей параллельно с заимствованием именуемых их слов; появлением в государственной и общественной жизни новых отношений и их участников параллельно с их номинациями на языке народа, в жизни которого эти отношения возникли раньше. Само наличие тюркизма в русской паремии свидетельствует о завершении процесса его аккультурации в русском языке. Процесс аккультурации тюркизмов бытового дискурса сопровождается их грамматическим и семантическим освоением, определяемым устойчивой дистрибуцией этих слов наравне с исконными словами тематических и лексико-семантических групп, в которые эти тюркизмы включены. Большинство паремий с тюркизмами входит в синонимические ряды, образуя системы обыденных сценариев, которые сводятся к общей ситуации, отражающей определённый фрагмент природы человеческих отношений.

Л и т е р а т у р а

1. *Аккультурация* // Социология : энциклопедия / Сост. : А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин и др. — Минск : Книжный Дом, 2003. — С. 17.
2. *Баскаков Н. А.* К проблеме китайских заимствований в тюркских языках / Н. А. Баскаков // *Turcica et Orientalia. Studies in honour of Gunnar Jarring on his eightieth birthday.* — Stockholm : Svenska forskningsinstitutet ; Istanbul : Almqvist & Wiksell International [distributör], 1988. — P. 1–8.
3. *Баскаков Н. А.* Русские фамилии тюркского происхождения / Н. А. Баскаков. — М. : Наука, 1979. — 279 с.
4. *Баскаков Н. А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве» / [отв. ред. акад. А. Н. Кононов; Ин-т языкознания АН СССР]. — М. : Наука, 1985. — 208 с.
5. *Белецкая А. Ю.* Пословица как прецедентная единица в аргументативном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. н. : 10.02.04 — германские языки / А. Ю. Белецкая. — Самара, 2002. — 20 с.
6. *Веселовский С. Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С. Б. Веселовский. — М. : Наука, 1974. — 233 с.
7. *Гумилёв Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь / Л. Н. Гумилёв. — М. : Эксмо, 2006. — 768 с.
8. *Даль В. И.* Пословицы русского народа : в 3 т. / В. И. Даль. — М. : Худож. лит., 2011.
9. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — М. : Русский язык, 1981–1982.
10. *Жуков В. П.* Словарь русских пословиц и поговорок / [сост. В. П. Жуков]. — М. : Русский язык, 2000. — 537 с.
11. *Иллюстров И. И.* Сборник российских пословиц и поговорок / И. И. Иллюстров. — Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1904. — 480 с.
12. *Каиржанов А. К.* Византизм и ментальность Киевской Руси, ч. 1. Раздумья на степной дороге, ч. 2 / А. К. Каиржанов. — Киев : ИД Дм. Бураго, 2012. — 312 с.

13. *Каиржанов А. К.* Древние тюрки и славяне : аспект аккультурации / А. К. Каиржанов // Мова. — Одеса : Астропринт, 2012. — № 17. — С. 10–14.
14. *Каиржанов А. К.* Тюркизмы в русских говорах Одесской области / А. К. Каиржанов // Мова. — Одеса : Астропринт, 2013. — № 19. — С. 25–29.
15. *Кардашова Е. В.* «Безразличность, из которой ткётся ткань жизни»: «средний человек», субъект повседневности / Е. В. Кардашова // Мова. — Одеса : Астропринт, 2014. — № 22. — С. 64–72.
16. *Каримуллина Г. Н.* Тюркские лексические элементы в русской лингвографии XVIII–XX веков : автореф. дис. ... канд. филол. н. : 10.02.01 — русский язык / Г. Н. Каримуллина. — Казань, 2007. — 22 с.
17. *Крылов П. А.* Этимологический словарь русского языка / П. А. Крылов. — СПб. : ООО «Полиграфуслуги», 2005. — 432 с.
18. *Мокиенко В. М.* В глубь поговорки / В. М. Мокиенко. — М. : Азбука-классика, Авалонь, 2007. — 257 с.
19. *Наймушина Т. А.* Пословицы и поговорки в художественном тексте : дис. ... канд. филол. н. : 10.02.01 — русский язык / Т. А. Наймушина. — Л., 1984. — 210 с.
20. *Пермяков Г. Л.* Основы структурной паремиологии / Г. Л. Пермяков. — М. : Наука, 1988. — 235 с.
21. *Рахманова Л. И.* Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология / Л. И. Рахманова, В. Н. Суздальцева. — М. : Изд-во МГУ; ЧеРо, 1997. — 480 с.
22. *Селиверстова Е. И.* Русская пословица в паремиологическом пространстве : стабильность и вариативность (лингвистический аспект) : автореф. дис. ... докт. филол. н. : 10.02.01 — русский язык / Е. И. Селиверстова. — СПб., 2010. — 44 с.
23. *Сидорина Н. П.* Русско-турецкий словарь пословиц и поговорок / Н. П. Сидорина. — М. : Толмач, 2006. — 352 с.
24. *Симони П. К.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и прочих XVII–XIX столетий / П. К. Симони. — СПб. : Тип. ИАН, 1899 [2011]. — 302 с.
25. *Тимошенко И. Е.* Литературные первоисточники и прототипы 300 русских пословиц и поговорок / И. Е. Тимошенко. — Киев, 1897. — 200 с.
26. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / Макс Фасмер [пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёв]. — 2-е изд. стереотип. — М. : Прогресс, 1986–1987.
27. *Шахнович М. И.* Краткая история собирания и изучения русских пословиц и поговорок / М. И. Шахнович // Советский фольклор : сб. статей и материалов / [Ин-т антропологии, этнографии и археологии АН СССР. Фольклорная секция]. — М.-Л. : АН СССР, 1936. — № 4–5. — С. 299–368.
28. *Эмирова А. М.* Крымскотатарско-русская языковая интерференция : диахрония и синхрония / А. М. Эмирова // MegaLing'2008. Горизонты прикладной лингвистики и лингвистических технологий : Доклады международной конференции. 22–28 сентября 2008, Партерит. — Симферополь, 2008. — С. 319–322.

References

1. Gritsanov, A. A., Abushenko, V. L., Evelkin, G. M. etc. (editors and compilers; 2003) «Acculturation», *Sociology : Encyclopedia* [«Аkkulturacija», *Sociologija : Enciclopedija*], Book House [Knizhnyj Dom], Minsk, p. 17.
2. Baskakov, N. A. (1988), «On the problem of Chinese borrowings in Turkic language», *Turcica et Orientalia. Studies in honour of Gunnar Jarring on his eightieth birthday* [«K probleme kitajskikh zaimstvovanij v tiurkskikh jazykakh», *Turcica et Orientalia. Studies in honour of Gunnar Jarring on his eightieth birthday*], Svenska forskningsinstitutet, Almqvist & Wiksell International (ed.), Stockholm, Istanbul, pp. 1–8.
3. Baskakov, N. A. (1979), *Russian surnames of Turkish origin* [Russkije familii niurkского proiskhozhdenija], Nauka, Moscow, 279 p.
4. Baskakov, N. A., ed. Acad. Kononov, A. N. (1985), *Turkic vocabulary in «The Tale of Igor's Campaign»* [Tiurkskaja leksika v «Slove o polku Igoreve»], Inst. of Linguistics, AS of the USSR, Nauka, Moscow, 208 p.
5. Beleckaja, A. Yu. (2002), *Proverb as a precedent unit in argumentative discourse : Author's thesis (synopsis)* [Poslovica kak precedentnaja jedinica v argumentativnom diskurse : avtoref. ... dis. kand. filol. n. : 10.02.04 — germanskije jazyki], Samara, 20 p.
6. Veselovskij, S. B. (1974), *Onomasticon. Old Russian names, nicknames and surnames* [Onomastikon. Drevnerusskije imena, prozviščha i familii], Nauka, Moscow, 233 p.
7. Gumilev, L. N. (2006), *Ancient Rus and the Great Steppe* [Drevnaja Rus' i Velikaja Step'], Eksmo, Moscow, 768 p.
8. Dahl, V. I. (2011), *Proverbs of the Russian people : in 3 vol.* [Poslovicy russkogo naroda : v 3 t.], Khudozhestvennaja literatura, Moscow.
9. Dahl, V. I. (1981–1982), *Explanatory Dictionary of the Russian language : in 4 vol.* [Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka : v 4 t.], Russkij jazyk, Moscow.
10. Zhukov, V. P. [ed.] (2000), *Dictionary of Russian proverbs and sayings* [Slovar' russkikh poslovic i pogovorok], Russkij jazyk, Moscow, 537 p.
11. Ilustrov, I. I. (1904), *The Collection of Russian proverbs and sayings* [Sbornik rossijskikh poslovic i pogovorok], Printing house of S. V. Kulzhenko, Kiev, 480 p.
12. Kairzhanov, A. K. (2012), *Byzantinism and the mentality of the Kievan Rus, vol. 1. Thoughts on the steppe road, vol. 2* [Vizantizm i mentalnost' Kievskoj Rusi, ch. 1. Razdumja na stepnoj doroge, ch. 2], Dm. Burago Publishing House, Kiev, 312 p.
13. Kairzhanov, A. K. (2012), «Ancient Turks and Slavs in the light of acculturation», *Mova / Language* [«Drevnije tiurki i slaviane : aspekt akkulturacii», *Mova*], Astroprint, Odessa, pp. 10–14.

14. Kairzhanov, A. K. (2013), «Türkisms in the Russian dialects of Odessa region», *Mova / Language* [«Tiurkizmy v russkikh govorakh Odesskoj oblasti», *Mova*], Astroprint, Odessa, pp. 25–29.
15. Kardashova, Ye. V. (2014), «Indifference, from which the fabric of life is weaving : The Average person, the subject of everyday life», *Mova / Language* [«Bezrazlichnost', iz kotoroj tkotsa tkan' zhizni : srednij chelovek, subject povsednevnosti», *Mova*], Astroprint, Odessa, vol. 22, pp. 64–72.
16. Karimullina, G. N. (2007), *Turkic lexical elements in Russian linguography of 18–20 cc. : Author's thesis (synopsis)* [Tiurkskie leksicheskie elementy v russkoj lingvografii XVIII–XX vekov : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01 — russkij jazyk], Kazan, 22 p.
17. Krylov, P. A. (2005), *Etymological dictionary of the Russian language* [Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka], Poligrafusluzhi Ltd., St. Petersburg, 432 p.
18. Mokienko, V. M. (2007), *In the depths of sayings* [V glub' pogovorki], Azbuka-klassika, Avalon, Moscow, 257 p.
19. Najmushina, T. A. (1984), *Proverbs and sayings in the art text, thesis* [Posloviцы i pogovorki v khudozhestvennom tekste : dis. ... kand. filol. n. : 10.02.01 — russkij jazyk], Leningrad, 210 p.
20. Permiakov, G. L. (1988), *Fundamentals of structural paremiology* [Osnovy strukturnoj paremiologii], Nauka, Moscow, 235 p.
21. Rakhmanova, L. I., Suzdaltseva, V. N. (1997), *The Modern Russian language. Vocabulary. Phraseology. Morphology* [Sovremennij russkij jazyk. Leksika. Frazeologija. Morfoložija], Moscow State University Press, CheRo, Moscow, 480 p.
22. Seliverstova, E. I. (2010), *Russian proverb in the paremiological space : stability and variability (linguistic aspect): Author's thesis (synopsis)* [Russkaja poslovica v paremiologičeskom prostranstve : stabil'nost' i variativnost' (lingvističeskij aspekt) : avtoref. dis. ... dokt. filol. n. : 10.02.01 — russkij jazyk], St. Petersburg, 44 p.
23. Sidorina, N. P. (2006), *Russian-Turkish dictionary of proverbs and sayings* [Russko-tureckij slovar' poslovic i pogovorok], Tolmach, Moscow, 352 p.
24. Simoni, P. K. (1899 [2011]), *Old collections of Russian proverbs, sayings, riddles and other of 17–19 cc.* [Starinnyje sborniki russkikh poslovic, pogovorok, zagadok i drugikh XVIII–XX stoletij], Printing house of the Imperial Academy of Sciences, St. Petersburg, 302 p.
25. Timoshenko, I. E. (1897), *The literary sources and prototypes of 300 Russian proverbs and sayings* [Literaturnyje pervoistočniki i prototypy 300 russkikh poslovic i pogovorok], Kiev, 200 p.
26. Vasmer, M. (1986–1987), *Dictionary of the Russian language : in 4 vol.*, transl. from German, and suppl. by O. N. Trubachev, 2nd ed. stereotype [Etimologičeskij slovar' russkogo jazyka : v 4 t., pereviol s nemeckogo i dopolnil O. N. Trubachev], Progress, Moscow.
27. Shakhnovich, M. I. (1936), «A Brief History of the Russian proverbs and sayings collecting and studying», *Soviet folklore : collection of articles and materials* [«Kratkaja istorija sobiranija i izučenija russkikh poslovic i pogovorok», *Sovetskij folklor : sbornik statej i materialov*], Inst. of Anthropology, Ethnography and Archaeology of the Acad. of Sciences of the USSR. Folklore section, Leningrad, 1936, vol. 4–5, pp. 299–368.
28. Emirova, A. M. (2008), «Crimean Tatar-Russian language interference : diachrony and synchrony», *MegaLing'2008. The Horizons of applied linguistics and language techniques, Reports of the international conference, 2008, September 22–28, Partenit* [«Krymskotatarsko-russkaja jazykovaja interferencija : diakhronija i sinkhronija», *MegaLing'2008. Gorizonty prikladnoj lingvistiki i lingvističeskikh tekhnologij : Doklady mezhdunarodnoj konferencii, 22–28 sentiabria 2008, Partenit*], Simferopol, pp. 319–322.

СТЕПАНОВ Євгеній Миколайович,

доктор філологічних наук, зав. кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечнікова; Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна;
тел.: +38 048 7762277; +38 096 4966406; e-mail: stepanov.odessa@gmail.com;
ORCID ID: 0000-0002-5441-9822; SPIN-код 8665-0882

РОСІЙСЬКІ ПАРЕМІЇ З ТЮРКІЗМАМИ ПОВУТОВОГО ДИСКУРСУ: ЛІНГВОКУЛЬТУРНИЙ АСПЕКТ

Анотація. *Мета* статті — встановити причини використання тюркізмів і ступінь їх освоєння в російських народних прислів'ях і приказках. *Предметом* вивчення є лінгвістичні й екстралінгвістичні механізми освоєння та функціонування тюркізмів у російському пареміконі. Основний *метод* дослідження — історико-описовий. Використовуються також елементи соціолінгвістичного методу, лінгвокультурологічний, фразеологічний, семантичний, етимологічний аналіз досліджуваного матеріалу. У *результаті* аналізу більш ніж 100 прислів'їв і приказок побутового дискурсу, що містять тюркізми, встановлено, що підґрунтям утворення російських паремій є певні прецедентні сценарії. Зазвичай у пареміях використовують споконвічну лексику. Тюркізми ж номінують, як правило, ключові деталі висловлювань. У роботі зроблено *висновок* про те, що сама присутність тюркізма в російській паремії свідчить про завершення процесу його акумуляції в російському комунікативному просторі. Цей процес супроводжується їх граматичним і семантичним освоєнням у буденному мовленні, що визначається сталою дистрибуцією цих слів нарівні зі споконвічними словами тематичних і лексико-семантичних груп побутового дискурсу. Паремія з тюркізмом зазвичай входить у синонімічний ряд, утворюючи систему звичайних сценаріїв, які зводяться до ситуації, що відбиває певний фрагмент природи людських відносин. *Практична цінність* роботи полягає у використанні її результатів для вдосконалення концепції слов'янсько-тюркської мовної та культурної взаємодії.

Ключові слова: прислів'я і приказки, російський паремікон, тюркізм, буденне мовлення, побутовий дискурс, акумуляція, дистрибуція, граматичне та семантичне освоєння слова.

Ievgenii N. STEPANOV,

Doctor of Philological Sciences (Grand PhD), Head of the Russian language Chair of Odessa Mechnikov National University; 24/26 Francuzskij blvd., Odessa, 65058, Ukraine; tel.: +38 048 7762277; +38 096 4966406; e-mail: stepanov.odessa@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-5441-9822; SPIN-code 8665-0882

RUSSIAN PROVERBS AND SAYINGS WITH TÜRKISMS OF DOMESTIC DISCOURSE: LINGUAL AND CULTURAL ASPECTS

Summary. The *purpose* of this article is to establish the cause and extent of use of Türkisms in the Russian folk proverbs and sayings. The *subject* of the study is the linguistic and extra-linguistic mechanisms of adoption and functioning of Türkisms in Russian paremikone. The historical-descriptive *method* is the main method of research. There are elements of sociolinguistic, lingvocultural methods and phraseological, semantic, etymological analysis used also. An analysis of more than 100 proverbs and sayings of domestic discourse, containing Türkisms pointed out that Russian paremias are based on certain precedent scenarios. Usually the native words are used in Russian paremias. Türkisms called, as a rule, the key words of sentences. The paper *concluded* that the presence of Türkism in Russian paremias indicates the completion of his acculturative process in the Russian communicative space. This process is accompanied by grammatical and semantic adoption of these borrowings determined by a stable distribution of Türkisms on a par with the traditional words of the thematic and lexical-semantic groups. Every proverb with Türkism usually has any synonyms, forming a system of everyday scenarios reflected the situation, which is a certain fragment of the human relationships nature. The research results find *practical application* in the improvement of the doctrine of the Slavic-Türkic language and cultural interaction and cooperation.

Key verbs: proverbs and sayings, Russian paremikone, Türkisms, domestic discourse, acculturation, distribution, grammatical and semantic adoption of the word.

Статтю отримано 11.11.2016 р.

УДК 811.161.1'276.6:340.6

ШУМАРИНА Татьяна Федоровна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; г. Одесса, 65058, Украина; тел.: +38 048 683539; e-mail: shumarina2010@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-7383-7707

МЕТАФОРА В ОБЩЕМ КОНТЕКСТЕ ГАБИТОСКОПИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ

Аннотация. В статье описана терминологическая лексика, образованная лексико-семантическим способом и отвечающая основным правилам описания внешности человека по методу словесного портрета. Словесный портрет — это используемое в основной и оперативно-розыскной практике упорядоченное, систематизированное описание признаков внешности человека с применением унифицированной терминологии. *Цель* данной статьи — определить роль метафоры в формировании, структурировании и функционировании русской габитоскопической терминологии. *Объектом* изучения в предлагаемой работе стала терминологическая составляющая технологии построения словесного портрета. *Предмет* исследования — метафорические дериваты, функционирующие в свободных и систематизированных описаниях. В работе используется описательный *метод*. В *результате* исследования определены специфические признаки, позволяющие метафорическим единицам активно функционировать в роли габитоскопического термина. *Выводы.* Точность (доходчивость), меткость, яркость, краткость, скорость кодирования и декодирования, моносемность стереотипного образа, сохраняемого в долговременной памяти, семантические нюансы — вот тот комплекс признаков, который может и должен обеспечить метафорическим дериватам доминирующую позицию в габитоскопической терминосистеме. Учитывая социолингвистическую составляющую габитоскопической коммуникации, *практическое применение* может быть найдено при разработке единой сбалансированной системы терминов, отвечающей профессиональным традициям и речевым стереотипам создателей словесного портрета в криминалистике.

Ключевые слова: метафора, терминология, габитоскопия, словесный портрет.

Постановка проблемы. Вопрос о правомерности употребления семантических дериватов в языке науки широко дискутировался в терминоведении, однако в настоящее время признано, что метафоричность терминологии — её неотъемлемая черта. Анализ современного состояния габитоскопической терминологии с позиций лингвистической ортологии — давно назревшая необходимость, поскольку разработкой языкового материала для нужд габитологии занимаются,